

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Т. Б. АЛИСОВА

ОПЫТ СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Помимо общих формально-грамматических признаков, отличающих сочетание субъекта с предикатом, т. е. предложение, от непредикативных словосочетаний, существуют формальные грамматические признаки, отличающие одни типы предложения от других. Традиционная грамматика устанавливает два ряда противопоставленных друг другу форм: ряд, различающийся «по степени личности» (личные, одноличные¹, неопределенно-личные, безличные), и ряд, различающийся по «составу» (односоставные и двусоставные). Эти термины, прочно вошедшие в обиход, достаточно однозначны и общепонятны, так что нет смысла от них отказываться. Однако классификация, лежащая в их основе, имеет, как известно, тот недостаток, что формальные признаки не соответствуют содержательным противопоставлениям и объединяют явления, семантически разнородные, а разъединяют однородные. Совершенно очевидно, что классификация по формальным признакам оправдана только тогда, когда каждой формальной оппозиции соответствует содержательное противопоставление, так как различие формы, не поддержанное изменением смысла или отмечающее несущественные смысловые сдвиги, указывает лишь на варианты плана выражения («синонимы», полные или частичные, свободно заменяющие друг друга или обусловленные окружением).

Подобно всем элементам знакового уровня, форма предложения и его членов не находится в однозначном отношении со своим содержанием. Общеизвестно, например, что переходные и непереходные глаголы (в традиционном понимании этих терминов) не отражают никакой четкой смысловой дифференциации предикатов, а за грамматической формой подлежащего может скрываться любая семантическая функция (классическим примером несовпадения формы и функции является пассивная конструкция, где подлежащее соответствует семантическому объекту). Не менее известно также и то, что асимметрия языкового знака делает необходимым раздельное описание структуры плана выражения и структуры плана содержания². Поэтому возникает необходимость чисто формальных определений «означающей» стороны знака, которые для синтаксических структур даются в терминах позиций и замен, окружений знака и его преобразований. Между тем, необходимость в чисто формальных критериях для иден-

¹ Термин «одноличный» обычно применяется для обозначения типа глагольных лексем, а не типа предложений. См.: А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, М., 1938, стр. 333.

² См. по этому поводу интересную статью Н. Д. Арутюновой «О значимых единицах языка», в кн. «Исследования по общей теории грамматики», М., 1968, особенно стр. 93—101.

тификации знаков вовсе не исключает «обращения к значению», и параллельного «содержательного» определения формальных единиц. Более того, только учет содержательной, функциональной стороны знака позволяет определить «направление» трансформаций, установить системные отношения между различными формами выражения одного и того же основного (инвариантного) значения и выяснить природу многозначности (омонимии)³. Таким образом, раздельное описание структуры плана выражения и план содержания следует рассматривать лишь как предварительный технический прием, за которым должен следовать анализ взаимодействия единиц обоих планов. Отправной точкой такого анализа является «определение для данной формы первичной (т. е. главной) и вторичной функций, для данной же функции — первичной (главной) и вторичных форм»⁴. Так, например, форма переходного предиката первична для обозначения активного действия, направленного на объект (*Он схватил мяч*), и вторична по отношению к абсолютному предикату (*Он заболел — Он схватил болельщика*). Функция подлежащего первична для понятия, обозначающего активного производителя действия, и вторична для локатива, объекта действия, инструмента действия и т. п. Естественно, что вопрос о первичности и вторичности синтаксической формы (функции) для каждой конкретной единицы может быть объективно решен только при ее соотнесении с первичными и вторичными формами (функциями) всех прочих единиц того же плана. Такое соотношение можно было бы графически изобразить так же, как это делает Курилович для отдельных слов, т. е. расположить типы функций по вертикали и формальные типы по горизонтали. Однако прежде чем строить эту сетку, необходимо точно определить сами синтаксические единицы плана выражения и плана содержания.

Формальной синтаксической единицей, отмечающей различия в семантике ситуации, является предикативная конструкция, где слова с их лексическими и грамматическими свойствами вступают во взаимодействие и образуют сложный языковой знак, форма и содержание которого не сводятся к простой сумме форм и значений составных частей. Внешняя синтаксическая форма конструкции складывается из позиций именных членов, группирующихся вокруг ее предикативного ядра — личной формы глагола. Исходя из ведущей роли личного глагола в структуре предложения, многие исследователи полагают, что количество и форма именных членов («актантов») задается (управляется) лексико-грамматическими свойствами глагольной лексемы⁵, которая в большей или меньшей степени «требует» дополнений в зависимости от степени своей семантической полноты. Как известно, традиционное понятие переходности — непереходности глагола еще А. М. Пешковским и А. Сешез было интерпретировано не формально, а функционально, как наличие или отсутствие необходимой связи между глаголом и его дополнением⁶. Обязательная устойчивая связь между дополнением (в широком смысле) и глаголом вводит в состав его лексического значения обязательный семантический компонент отношения к данному дополнению, называемый обычно «валентностью». Валентности глагола открывают ряд позиций, между которыми существу-

³ См.: Е. Курилович, Заметки о значении слова, в кн.: «Очерки по лингвистике», М., 1962, стр. 250.

⁴ Там же.

⁵ L. Tesnière, *Éléments de syntaxe structurale*, Paris, 1959, стр. 106; А. А. Холодович, Опыт теории подклассов слов, ВЯ, 1960, 1, стр. 38; Т. П. Ломтев, Описание структуры предложения на основе его функционального представления, «Slavia», 1965, 3, стр. 424.

⁶ А. М. Пешковский, указ. соч., стр. 269 и 271; А. Сешез, *Essai sur la structure logique de la phrase*, Paris, 1950, стр. 81.

ет строгая иерархия, установленная «силой управления». Те позиции именных членов, которые как бы «предсказаны» валентными свойствами глагольной лексемы обычно рассматриваются как обязательные и центральные для данного типа конструкции. Позиции, не заданные смыслом предикативного «ядра», признаются факультативными и периферийными.

Вместе с тем, было замечено, что далеко не все обязательные позиции, существенные для формальной и смысловой целостности предикативной конструкции, зависят от валентностей глагольной лексемы, как например, в предложениях *Он намылил мне лицо*, *У него умерла мать*, где смысловые отношения принадлежности между дополнением и подлежащим или между косвенным и прямым дополнением устанавливаются независимо от значения глагола. Этот факт побудил некоторых исследователей рассматривать подобные позиции как типично «предложенческие», в отличие от позиций, заданных глагольной лексемой и относящихся к промежуточному лексико-синтаксическому уровню словосочетаний⁷. Само по себе справедливое, это разграничение не представляется, однако, существенным для определения формально-грамматических типов предикативных структур, так как лексические валентности как явление словаря отражают лишь наиболее частотные комбинации данной лексемы, точно так же, как морфологическая парадигма глагольных форм содержит лишь «самое отвлеченное и обобщенное значение» и «практически отвлекается от наиболее привычных, частых случаев их синтаксического употребления»⁸. В составе предложения как морфологические, так и лексические элементы языковой системы уточняют и конкретизируют свои возможности, обнаруживая подвижность знака по отношению к означаемому и зависимость формы и значения части от структуры целого. Так, для целого ряда глаголов (количество их резко меняется от языка к языку) значения переходности или непереходности вообще не закреплены за глагольной лексемой и определяются лишь в конкретном предложении, в зависимости от присутствия или отсутствия прямого дополнения: итал. *La carta brucia — Io brucia la carta* (ср. в русском: *Бумага горит — Я жгу бумагу*). Сравнивая такие конструкции, как *Он несет самый тяжелый чемодан* и *Он несет чемодан на станцию*, мы никак не можем сказать, что глагол *нести* имеет в обоих случаях одни и те же валентности, или что позиция обстоятельства места назначения для конструкции с глаголом «нести» периферийна и факультативна, так как в этих двух предложениях перед нами два разные по смыслу и по форме предиката, отличающиеся друг от друга только наличием или исключением позиции обстоятельства (в первой фразе валентность направления отсутствует как несущественная). Все эти соображения отнюдь не опровергают того общепризнанного факта, что глагольное сказуемое является конструктивным центром предложения, отражающим, как в фокусе, наиболее существенные смысловые связи подлежащего. Однако эта «организующая» функция глагола не «активна», и такие термины, как глагольная лексема «задает количество позиций» или «управляет» тем или иным дополнением, представляются не очень удачной метафорой.

Исходя из «предложенческого» понимания управления как двусторонней семантической связи глагола и его дополнения (в широком смысле), следует уточнить также понятие «периферийности» позиции и определить

⁷ См.: Н. Ю. Шведова, Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения, ВЯ, 1964, 6, стр. 77 и сл.

⁸ Н. Ю. Шведова, Парадигматика простого предложения в современном русском языке, в кн. «Русский язык. Грамматические исследования», М., 1967, стр. 12.

хотя бы в рабочем порядке те признаки, по которым какой-либо член конкретного высказывания будет исключен как «периферийный» из состава элементарной предикативной конструкции (т. е. из состава собственно простого предложения).

Принято считать, что одним из признаков периферийности позиции является полное, точнее, почти полное, отсутствие взаимной обусловленности между семантикой предиката и наличием или отсутствием данной позиции. Вместе с тем, эта связь все же существует и вряд ли можно обнаружить такой член предложения, который был бы полностью «непредсказуемым» и «неуправляемым». Раз это так, отсутствие данного факультативного члена предложения не дает оснований считать его позицию отсутствующей, а слабую валентность, направленную на эту позицию в предикате, полностью погашенной. Таким образом, грань между «обязательной, но не обязательно замещенной» позицией и позицией «периферийной» стирается. Действительно, полностью «моновалентны», очевидно, только предикаты абсолютного признака, не ограниченного во времени. Семантический компонент ограниченности во времени, связанный с видовыми оттенками начала и конца, уже в той или иной мере предполагает пространственную, причинную или объектную конкретизацию и вводит в состав семантики предиката соответствующие валентности, которые открывают более или менее обязательно заполняемые позиции: *Он красный — Он покраснел от злости, Я его вижу — Я его увидел в саду, Он много читает — Он прочел эту книгу*⁹.

Казалось бы, что обязательные позиции существенны для определения формальных признаков «простой» конструкции, периферийные же позиции вообще не должны учитываться при формальной классификации элементарных предикативных структур как не способные характеризовать одну конструкцию в отличие от другой. Однако противопоставление предикатов статических (не ограниченных во времени) и не открывающих обстоятельственных позиций, предикатам динамическим (ограниченным во времени), имеющим большую вероятность распространения обстоятельствами причины и места, показывает, что приведенное выше определение неточно.

Определение периферийных позиций как «семантических», т. е. непосредственно и однозначно связанных с семантической функцией (именем которой и называются эти позиции: «обстоятельство цели, причины, места, времени»), а обязательных, центральных позиций как «грамматических», способных соотноситься с разнообразными семантическими функциями и поэтому «не определяемых с точки зрения семантики»¹⁰, также не следует понимать абсолютно. Дело в том, что «грамматические позиции», непосредственно связанные со значением глагольной лексемы, вовсе не «изофункциональны», как полагает Е. Курилович, так как количество семантических функций, покрываемых той или иной обязательной позицией, различно. Чем меньше функций имеет синтаксическая форма (позиция), тем более она «семантична», так что признак «семантичности» не противопоставляет все обязательные позиции периферийным.

Из предыдущих определений явствует, что периферийные позиции всегда «семантичны», и что замещение их факультативно. Однако оба эти признака могут принадлежать также и обязательным позициям.

Очевидно, основное различие между периферийными и центральными (в том числе и не обязательно замещенными) позициями следует искать

⁹ См.: S. Karcevskii, L'idée du procès dans la langue russe, CFS, 1956, 14, стр. 25, где указывается, что перфектная форма не допускает абсолютного употребления переходных глаголов.

¹⁰ Е. Курилович, Проблема классификации падежей, в кн. «Очерки по лингвистике», стр. 183—188.

в характере их связи с предикатом. Первые, как замечает А. М. Пешковский, «выражают не внутреннюю связь, а простое сопровождение действия или состояния одного субъекта таким же действием или состоянием другого»¹¹ (добавим, или того же самого субъекта, например: *Он пришел печальный*). Это «простое» совмещение (т. е. локальное и временное совпадение) двух признаков одного или разных субъектов может быть осложнено так называемыми «логическими» отношениями причинной, целевой или последовательной связи, которая обычно объединяет два самостоятельных предложения. Другими словами, конструкции с периферийными позициями представляют собой результат конденсации¹² двух предикатов, один из которых сохраняет первоначальную форму и значение, а другой теряет самостоятельные показатели предикативности (интонацию и грамматические формы лица, времени и наклонения), но всегда может быть развернут в полную предикативную конструкцию, сохраняющую с первой те же «логические» (т. е. семантически нагруженные) отношения причины, уступительности, цели, предшествования, или одновременности. Таким образом, к обязательному признаку «семантичности» периферийных позиций добавляется их способность быть замещенными развернутыми предложениями. Только при наличии этих двух признаков позиция может рассматриваться как периферийная, а конструкция, ее содержащая, как сложная. С этой точки зрения позиция дополнения агента при пассиве, в отличие от позиции причины, должна быть отнесена к обязательным, но не обязательно заполняемым, так как, хотя она и «семантична», ее развертка в отдельную предикативную конструкцию невозможна. В то же время, дополнительные предложения при глаголах *dicendi, putandi, sentiendi, voluntatis* занимают по отношению к предикату модуса¹³ не периферийную, а обязательную позицию, не имеющую никаких «логико-семантических» характеристик. Следует учесть, однако, и переходные случаи, например, при глаголах аффекта (психической и физиологической реакции), где дополнение (или дополнительное предложение) может интерпретироваться как обстоятельство причины: *Я рад, огорчен, что (потому что) он пришел*.

Итак, за элементарную предикативную единицу плана выражения принимается «простая» конструкция, основанная на отношениях «обязательной» взаимосвязи ее частей.

Функцией простых конструкций («простых предложений») является обозначение элементарных семантических ситуаций, которые определяются как наиболее общие типы координации понятий, лежащие в основе всех синтаксических структур языка¹⁴.

Эти предшествующие языковому выражению стандартные ассоциации понятий, с одной стороны, отражают и интерпретируют внеязыковое объективное «положение вещей», с другой же стороны, сами отражаются и объективируются в простейших («ядерных») синтаксических структурах, перечень которых должен явиться одновременно описанием и перечислением семантических ситуаций. Вся проблема сводится, таким образом, к тому,

¹¹ А. М. Пешковский, указ. соч.

¹² См.: Ш. Балли, Общая лингвистика и вопросы французского языка, М., 1955, § 152, стр. 112.

¹³ Субъект и предикат модуса (говорящий и его отношение к предмету речи) и субъект и предикат диктума (предмет речи и его признак) сосуществуют в любом высказывании, так что их раздельное выражение в виде «главного» и «придаточного» предложений не делает высказывание более «сложным», а лишь представляет в аналитической (эксплицитной) форме их взаимосвязь; см.: Ш. Балли, указ. соч., § 32, 33, стр. 46—47.

¹⁴ См.: В. Г. Гак, Проблемы лексико-грамматической организации высказывания. Докт. диссерт., М., 1967, гл. II, § 2.

какие единицы следует признать прообразами простейших семантических структур и по каким признакам они должны быть отобраны. Очевидно, для того чтобы получить предикативные лексемы, значение которых будет отражать лишь наиболее общие семантические типы субъектно-предикатных отношений (соотношений между предметными понятиями), необходимо максимально «освободить» сказуемое от конкретных сем. Право на подобный прием дает нам сам язык, способный или представить комбинацию сем в лексеме в виде сочетания отдельных слов или вообще устранить из сообщения конкретные семы, очевидные из внелингвистической ситуации. Естественно, что при замене конкретных (синтетических) лексем их аналитическими эквивалентами или словами-заместителями глаголы, в которых реализуются наиболее общие (категориальные) значения, будут повторяться. Известно, что максимальная частотность слова в речевой цепи (независимо от характера текста), является безошибочным показателем строевой (т. е. формообразующей) функции данного слова в системе языка¹⁵. В европейских языках в роли таких строевых глаголов, значение которых отражает семантическую («внутреннюю») форму предикативной конструкции, выступают глаголы *быть*, *иметь* и *делать*. В первичных («свободных») условиях своего употребления глаголы *быть*, *иметь* и *делать* соотноствуются трем общим семантическим классам субъектно-предикатных отношений — присущности, соотносительности и каузации, которые выделяются Ш. Балли в «Общей лингвистике» (стр. 121—125). Так, глагол *être* Ш. Балли считает выразителем категориального значения, общего всем предикатам присущности (т. е. абсолютного признака): *marcher* = *être en marche*; *boire* (*habituellement*) = *être un buveur* и т. п. глагол *être* + прер. + *N* и глагол *avoir* + *N* рассматривает как два формальные варианта парадигмы предикатов соотношения, а глагол *faire* ставит во главе парадигмы предикатов каузации, разбивающейся на три подкласса: каузацию бытия (*faire* + *être* = *créer*), каузацию абсолютного признака (*faire* + *être blanc* = *blanchir*) и каузацию соотношения в двух его вариантах (*faire avoir* = *donner*, *faire être dans, sur* + *N* = *mettre*). Предикаты присущности имеют моновалентную структуру, так как характеризуют семантический субъект в его абсолютном проявлении, соотносительные предикаты бивалентны, так же как и предикаты каузации бытия или каузации абсолютного признака, предикаты каузации соотношения тривалентны, и, наконец, употребительные в романских языках предикаты двойной каузации соотношения тетравалентны. Каждая из этих структур имеет свой строевой глагол, отражающий данную координацию понятий в наиболее общем виде, так что в число «фундаментальных» глаголов, возглавляющих парадигматические ряды предикатов (и тем самым простых конструкций в целом) следует включить также глаголы *давать*, *класть* и др.)¹⁶.

Принимая за основу структурно-семантическую классификацию простых конструкций (предложений), изложенную у Балли, мы позволим себе, ради полноты описания, внести в нее три уточнения.

1. Абсолютные предикаты целесообразно разделить на два класса по признаку расчлененности — нерасчлененности представления о субъекте и о его признаке. В том случае, если понятие о признаке семантически не противопоставлено понятию о субстанции, возникает семантически авалентная структура, первичной формой выражения которой является

¹⁵ См.: G. Gougenheim, A. Sauvageot, *L'élaboration du français fondamental*, Paris, 1964, стр. 144.

¹⁶ Само собой разумеется, что ограничение количества «строевых» глаголов чисто условно. Любой другой глагол каждой парадигмы, достаточно частотный и обобщенный, может рассматриваться как «строевой».

авалетная модель (лат. *pluit*, русск. *моросит*). Семантически диффузный субъекто-предикат, обозначающий главным образом явления природы, время, погоду, может скрываться за внешне моновалентными («личными») моделями, например, *дождь моросит, ветер дует, снег идет, es regnet, il pleut*, где его можно легко обнаружить благодаря семантической «пустоте» или семантической избыточности одного из членов конструкции (в слове *моросит* уже содержится понятие «дождь», а в слове *дует* понятие «ветер»).

2. Предикаты соотношения (назовем их просто относительными) с непереходной моделью обычно противопоставлены предикатам с переходной моделью по признаку конкретно-локального контакта и не конкретно-локального, т. е. социального, морального, физиологического и другого, свойственного только одушевленному существу, контакта.

3. Все абсолютные и относительные предикаты делятся внутри своих парадигматических рядов еще по двум основаниям. Первое из них — признак неограниченности во времени (статичности) — ограниченности во времени (динамичности); статичные предикаты не отвечают на вопрос «когда?», как, например, в таких фразах, как *дом высокий* или *у него есть дом, он владеет домом*, в отличие от динамических предикатов, открывающих свободное «место» для временных уточнителей. Второе основание — признак неактивности — активности, по которому делятся только предикаты, соотнесенные с одушевленным субъектом (при неодушевленном субъекте это противопоставление нерелевантно). Активные предикаты отвечают одновременно на два вопроса «зачем?» и «что делает?», в отличие от неактивных предикатов, делающих подобные вопросы неуместными, как например, фразы: *Он видит собаку, Он живет на улице Горького*. Другими словами, семантический компонент активности интерпретируется как целенаправленное (т. е. зависимое от воли и намерения) усилие лица. Присутствие компонента активности открывает, как уже указывалось, факультативную позицию обстоятельства цели. По признаку неактивности — активности различаются динамичные локальные предикаты типа *Андрей пошел к врачу* и *Андрей пошел ко дну*. Предикаты нелокального («объектного») контакта, противопоставленные по этому признаку, образуют группы предикатов восприятия, психической реакции и модальной оценки, с одной стороны, и предикатов каузации со всеми их вариантами, с другой (*Он видит, понимает, предполагает что-то — Он строит, красит, кладет, дает что-то*). Таким образом, общее количество дифференциальных семантических компонентов, из которых складывается фундаментальная семантическая структура предикатов и по которым предикаты противопоставлены друг другу, по-видимому, исчерпывается следующими парами, 1) нерасчлененность — расчлененность понятий о субстанции и о ее признаке; 2) абсолютность — относительность; 3) статичность — динамичность; 4) активность — неактивность; 5) локальность — нелокальность контакта.

Из комбинации этих дифференциальных признаков образуются следующие семантические типы предикатов, которые можно рассматривать как «простые» на основании их соотнесенности с «простыми» конструкциями плана выражения: (а) предикат абсолютный статический: *Этот человек высокий; Мой отец — инженер; Окно открыто*; (б) предикат абсолютный неактивный: *Этот человек вырос; Мой отец стал инженером; Окно открылось*; (в) предикат абсолютный динамический активный: *Он ест, работает, встает* и т. п.; (г) предикат относительный локальный статический (отношение местонахождения): *Снег лежит на земле; Снег покрывает землю*; (д) предикат относительный локальный динамический неактивный (непроизвольное направленное движение): *Он упал на землю*; (е) предикат относительный локальный динамический активный (произ-

вольное направленное движение): *Он пошел к врачу; Они достигли вершины*; (ж) предикат относительный нелокальный статический (отношения принадлежности, необходимости): *У него есть сын; Ему нужны деньги; Он имеет деньги*; (з) предикат относительный нелокальный динамический неактивный (отношения восприятия и психической реакции): *Он видит, понимает, любит что-либо; Ему нравится кажется что-либо*; (и) предикат относительный нелокальный динамический активный (отношение «каузации бытия», т. е. отношение агента-производителя к производимому объекту): *Он рисует картину; Она шьет платье*.

Объединение в одном предложении двух признаков одного и того же субъекта образует «сложную» конструкцию, где один из предикатов занимает периферийную позицию (например, $b_1 + a_1$ — *Он спит одетый*, или $v_1 + r_1$ — *Он ест в кухне*).

Однако сочетания двух признаков предметных понятий — субъекта и объекта — могут образовывать «простую» семантическую структуру, когда значение сочетания этих признаков не равно сумме смыслов каждого из них, взятого отдельно, и поэтому не может быть выражено, согласно норме данного языка, в виде сочетания двух автономных предикатов, связанных «логическими» отношениями (исключение составляют каузативные предикаты с обстоятельством причины в позиции подлежащего). Сплетение признаков субъекта и объекта образует такие «простые» семантические структуры, как, например, $(ж_1 + a_2)$ — *У него болит голова*; $(ж_1 + d_2)$ — *Ему вода попала в ухо*; $(з_1 + a_2)$ — *Он считает ее красивой*; $(и_1 + a_2)$ — *Она зашивает платье*; $(и_1 + b_2)$ — *Он поднимает гирю*; $(и_1 + v_2)$ — *Врач велел ему встать*; $(и_1 + r_2)$ — *Он положил книгу на стол*; $(и_1 + r_2 + ж_2)$ — *Он засунул ему в рот конфету*; $(и_1 + d_2)$ — *Он его повалил на землю*; $(и_1 + e_2)$ — *Он пригласил его к себе*; $(и_1 + ж_2)$ — *Он ему дал что-либо*; *Он у него взял что-либо*; *Он его лишил чего-либо*; $(и_1 + з_2)$ — *Он ему сказал что-либо*; *Он у него спросил что-либо* и т. п.

Дифференциальные семантические признаки и их комбинации, образующие «простые» семантические структуры, имеют, скорее всего, универсальный характер и могут служить в качестве инвариантов при сопоставлении языков. Напротив, формы выражения смысловых структур не только не совпадают в разных языках, но и варьируются внутри одного языка. Однако анализ частотности совмещения форм и смыслов «простых» предложений данного языка позволяет установить первичные («прямые») и вторичные («переносные») значения для каждой конструкции, и, соответственно, первичные формы и менее частотные варианты выражения для семантических структур. Все первичные формы соответствуют семантико-грамматическим классам «простых» предложений, противопоставленных друг другу в плане содержания по одному или нескольким дифференциальным признакам, перечисленным выше. В свою очередь вторичные формы данной семантической структуры могут противопоставляться ее первичной форме по любым содержательным признакам, кроме основных пяти. Поэтому предложения *Он заболел* и *Он схватил мяч* принадлежат к разным семантико-грамматическим классам, а *Он заболел* и *Он схватил болезнь* соотносятся как первичная форма и экспрессивно обусловленный вариант («трансформ») одного класса. Конкуренция синонимичных конструкций возможна и среди первичных форм. В этом случае одна семантическая структура формально противопоставлена другой набором своих первичных моделей (ср. *Я имею что-либо* = *У меня есть что-либо*, но только: *Я делаю что-либо*).